

В середине июня Шэнь Жань прибыл на съемочную площадку. После традиционного ритуала с возжиганием благовоний и подношением свиной головы божествам, работа над фильмом «Добро и зло» была официально объявлена открытой.

Во время съемок Шэнь Жань наконец понял, почему режиссера Мо прозвали Янь-ваном — он был невероятно придирчив. Какая бы то ни было сцена — будь то сложная психологическая игра или масштабная баталия — при малейшем изъяне режиссер требовал пересъемки. Даже если всё было исполнено безупречно, но из-за погоды кадр выглядел недостаточно эффектно и не передавал задуманную им атмосферу, сцену приходилось переигрывать.

Режиссер Мо вынашивал этот фильм целых десять лет. Он отчетливо видел каждый кадр, от начала до конца. Именно поэтому его требования к актерам были столь высоки: перед съемками он лично обсуждал с каждым исполнителем характер персонажа, до мелочей разъясняя его предысторию и символическое значение.

Шэнь Жань считал режиссера Мо невероятно ответственным человеком. В своей картине тот выразил множество собственных идей, и неудивительно, что в книге этот фильм стал грандиозным успехом, превратив Ань Цо из безвестного новичка в популярнейшего киноактера.

Однако теперь, из-за перемен, внесенных Шэнь Жанем, судьба Ань Цо сделала крутой поворот. Ему досталась роль не Юнь Фэя, как в книге, а информатора по имени Юнцзинь. Для Ань Цо оказалось непростой задачей воплотить на экране образ человека, который прислуживает Ту Таню, в Демоническом культе ведет двойную игру и умеет лишь угождать сильным, притесняя слабых. К тому же, по непонятной причине, стоило Шэнь Жаню появиться на площадке, как игра Ань Цо становилась еще хуже.

Он боится меня? Иначе почему так нервничает в моем присутствии? Шэнь Жань приподнял бровь, недоумевая.

В тот день Шэнь Жань пришел на площадку заранее. Каждые десять минут Ань Цо, который еще недавно был в неплохой форме, вновь терял концентрацию. После нескольких неудачных дублей подряд режиссер Мо устроил ему разнос, не скупясь на резкие выражения. Оценки вроде «наигранно» и «отсутствие глубины» заставили глаза Ань Цо покраснеть от обиды. Не успел тот прийти в себя, как режиссер приказал ему отойти в сторону и наблюдать за игрой других, чтобы хоть чему-то научиться.

Остальные актеры, чьи роли были менее значимы, но чей стаж превышал опыт Ань Цо, лишь посмеивались, отпуская колкости о том, что с такой игрой его скоро заменят.

Шэнь Жань наблюдал за этим молча, но он знал: режиссер Мо никогда не уволит Ань Цо. Главная причина заключалась в том, что за спиной Ань Цо стояла Муши Энтертейнмент, вложившая в проект огромные средства.

Фильмы режиссера Мо были качественными, собирали международные награды и

гарантированную кассу, но у него была одна большая проблема: он слишком быстро тратил деньги. Как и один известный зарубежный режиссер, он стремился к совершенству, не жалея средств на спецэффекты. Еще до начала съемок он потратил десятки миллионов только на выбор локаций и тысячи кадров пейзажей, чтобы мир боевых искусств и культивации выглядел максимально реалистично. А качественные спецэффекты требовали еще больших вложений, поэтому спонсорских денег, привлеченных изначально, стало не хватать.

В этот момент крупные инвестиции Муши стали для режиссера жизненно важными. В книге Ань Цо получил главную роль, потому что Шэнь Жань, изначально выбранный режиссером, порекомендовал его, а также потому, что сам Шэнь Жань из-за болезни отошел от дел, и Муши, оставшись без ведущих актеров, была вынуждена экстренно продвигать новую звезду.

Сейчас, хотя Ань Цо никак не мог войти в роль, режиссер Мо не мог его заменить из-за спонсорства Муши. Однако Ань Цо, очевидно, не понимал этой связи. Униженный критикой режиссера и насмешками коллег, он чувствовал глубокое разочарование.

Ань Цо украдкой взглянул на Шэнь Жаня, читавшего сценарий. Его глаза снова покраснели. Пробормотав несколько слов ободрения самому себе, он с заплаканным видом подбежал к Шэнь Жаню.

Шэнь Жань перестал постукивать пальцами по колену и с полуулыбкой посмотрел на обиженного Ань Цо.

— Брат Шэнь, я совсем не могу поймать состояние для роли, что мне делать? — Ань Цо подсел рядом, взглянул на сценарий, в котором не было ни одной пометки, и уныло опустил голову.

Шэнь Жань незаметно отодвинулся чуть дальше и приподнял бровь:

— И что ты предлагаешь?

— Брат Шэнь, помоги мне. Теперь меня ведет Брат Чэнь, так что ты вроде как мой старший наставник, верно? — Ань Цо, похоже, не осознавал, что окончательно разругался с Муши, и, облизнув покрасневшие губы, с надеждой уставился на Шэнь Жаня.

Ищет опоры во мне? Заметив это в глазах Ань Цо, Шэнь Жань чуть заметнее улыбнулся.

— Режиссер Мо уже разбирал с тобой образ Юнцзиня. Что ты сам об этом думаешь? — спросил Шэнь Жань, слегка наклонившись к нему. Со стороны казалось, что они очень близки.

— Да, он сказал, что Юнцзинь — подлец, у которого нет выбора. Но я не совсем понимаю.

— Вот как?

— Что значит нет выбора? Вся семья Юнцзиня — смертники из Демонического культа, разве не естественно, что он верен Ту Таню? Разве в Демоническом культе не правят сильнейшие? Ну и что, что он прислуживает сильным? Разве это не нормальное поведение? Но каждый раз, когда я играю его высокомерно, режиссер говорит, что это выглядит наигранно. Может, он намеренно ко мне придирается?

Шэнь Жань не ответил на вопрос, а с улыбкой спросил в ответ:

— Знаешь, в чем главное различие между игрой в кино и в театре?

Ань Цо опешил. В его голове пронеслись слова Шэнь Жаня из прошлых интервью. Пытаясь ответить так, чтобы произвести впечатление, он выдавил:

— Что? Глубина?

— Сдержанность. Кинокамера очень чувствительна, поэтому игра должна быть приглушенной, более внутренней. Слишком много эмоций — и это уже перебор.

Голос Шэнь Жаня звучал спокойно, но Ань Цо покраснел.

— Вот оно что... Я неправильно понял режиссера. И как же мне тогда играть?

— Есть два метода: актерский и метод переживания. Последний позволяет вжиться в роль гораздо глубже...

— Что за метод переживания? Как мне так сыграть? — Ань Цо взволнованно перебил его, не дожидаясь конца фразы.

— Нужно полностью стать этим персонажем. Отбросить себя и превратиться в Юнцзиня.

— Но как мне отбросить себя?

— Вне съемочной площадки живи с настроением Юнцзиня, говори его словами, мысли его категориями. — Шэнь Жань сделал паузу и коснулся пальцем родинки под глазом.

Он знал, что Ань Цо не откажется от этого совета, ведь тот жаждал успеха больше всего на свете. Неудачи в прошлой жизни и предательство любимого человека стали для Ань Цо наваждением в этой, и он отчаянно стремился доказать всем свою состоятельность.

Шэнь Жань умолчал лишь об одном: метод переживания, конечно, эффективен, но если не сумеешь выйти из образа, человек может быть сломлен. Слишком трудно выбраться из больного

сознания.

Перед тем как Ань Цо ушел работать над техникой, Шэнь Жань помог ему разобраться сложность натуры Юнцзиня.

Юнцзинь — человек с самого дна. Жизнь его семьи была в руках верхушки Демонического культа, поэтому он был вынужден служить господину Ту Таню. В юности он мечтал о власти, хотел достичь вершин и занять место одного из трех великих Демонических культиваторов. Но родители, будучи смертниками, своим низким статусом навсегда перечеркнули его мечты. Поэтому к родителям, к самому себе и ко всему Демоническому культу он испытывал противоречивую ненависть. Это заставляло его относиться ко всем враждебно, быть двуличным и идти на всё ради выгоды.

Благодаря подробному анализу Шэнь Жаня, Ань Цо почувствовал, что стал ближе к нему, и желание встать с ним в один ряд стало еще сильнее. Он поклялся, что будет практиковать метод переживания.

Шэнь Жань не сказал ему и того, что все персонажи в фильме режиссера Мо были неоднозначны. Хотя Юнцзинь был подлецом, у него были свои принципы. Когда он узнал, что Юнь Фэй — предатель, он был в смятении. С одной стороны, Юнь Фэй был его названным братом, с другой — он был предан Ту Таню. Именно поэтому, когда Юнь Фэй в конце покончил с собой, Юнцзинь убил тех, кого привели в плен, вместо того чтобы превратить их в человеческие сосуды.

Если Ань Цо не сможет сам осознать это и сыграет Юнцзиня просто как мелкого негодяя, значит, ему просто не хватило проницательности, верно? Когда Ань Цо ушел, Шэнь Жань снова принялся постукивать пальцами по подлокотнику, глядя в свой сценарий.

Шэнь Жань играл стабильно, держась на уровне проб, и почти всегда укладывался в три дубля. В свободное время он поглядывал на Ань Цо и заметил, что у того действительно есть талант: он стал на пятьдесят процентов похож на Юнцзиня, а количество неудачных дублей значительно сократилось.

Ань Цо, казалось, полностью последовал совету Шэнь Жаня. По сравнению с тем юношей, который умел со всеми ладить, теперь он стал мрачнее и перестал быть любезным. Раньше он терпел насмешки старших коллег или отшучивался, теперь же сразу давал отпор, высмеивая их за отсутствие таланта и меньший объем экранного времени.

Со временем перемены в Ань Цо стали еще заметнее: он стал вспыльчивым, раздражительным, часто срывался на ассистентов из-за пустяков и вел себя холодно со съемочной группой.

Спустя месяц съемок большинство людей на площадке стали сторониться Ань Цо. Поначалу он нервничал и приходил жаловаться Шэнь Жаню, но по мере погружения в роль ему стало на всё наплевать.

Режиссер Мо был доволен тем, что актер вошел в образ — для фильма это было только к лучшему, поэтому он не обращал внимания на плохую репутацию Ань Цо в коллективе.

Следствием такой изоляции стало то, что во время съемок «Добро и зло» многие коллеги начали рассказывать прессе о скверном характере Ань Цо, о том, что он ведет себя как избалованная звезда и постоянно навязывается знаменитостям. Поначалу ассистент передавал Ань Цо эти новости, прося быть осторожнее, но после того, как тот неоднократно его отчитывал, он перестал лезть не в свое дело.

Шэнь Жань смотрел новости об Ань Цо в телефоне, не проявляя особых эмоций. Хотя этот черный пиар портил имидж Ань Цо в глазах публики, это не могло стать смертельным ударом для его карьеры. Если фильм станет хитом, при правильном контроле общественного мнения его поведение можно будет выставить как глубокое погружение в роль и проявление ответственности.

Но Шэнь Жаню нужно было нечто большее.

— Брат Шэнь, скоро ваша совместная сцена с Ань Цо. Сестра Хун просила позвать вас на грим.
— Сяо Гуан протянул Шэнь Жаню кофе и вытер тыльной стороной ладони пот со лба.

— Хорошо. — Шэнь Жань оставил сценарий на стуле и направился в гримерную, едва заметно усмехнувшись. Совместная сцена... наконец-то.

<http://bllate.org/book/18590/1790468>